

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ЦЕННОСТИ И ИХ ФОРМИРОВАНИЕ

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи

Ссылка для цитирования: *Зубок Ю. А., Чупров В. И.* Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. 2019. Том 10. № 4. С. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

For citation: Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii*. 2019. Vol. 10. No. 4. P. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

AuthorID РИНЦ: [74721](#)

Зубок Юлия Альбертовна

Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

uzubok@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [74722](#)

Чупров Владимир Ильич

Институт социально-политических исследований
ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

chuprov443@yandex.ru

Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи

Аннотация. Взросление молодежи сопровождается её включением в социокультурный контекст общества и одновременно формированием собственных культурных образцов и практик взаимодействия. В результате многоуровневых связей молодых людей с культурой в целом, элементы которой ими одновременно наследуются и изменяются, а также с образцами субкультур, возникающих в пространстве внутригрупповых взаимодействий, т. е. в молодежных сообществах, формируется культурное пространство молодежи. В диалектическом процессе наследования, отрицания и конструирования молодежь обретает собственные социально-групповые характеристики. Соответственно и её культурное пространство характеризуется особенностями, отличающими её жизнедеятельность от других социальных групп. В современном обществе культурное пространство молодежи во многом является саморегулирующейся сферой, в которой происходит формирование и конструирование наиболее значимых ценностей, становящихся основой смыслов жизнедеятельности. Существенную роль в процессе смыслообразования играет базовая культура, образцы которой, содержащиеся в коллективном бессознательном, непосредственно связаны с историческим опытом. Отражаясь в архетипических и ментальных структурах, исторический опыт влияет на содержание смысложизненных ценностей. А закрепляясь габитусах, в процессе «опривычивания» (хабитуализации), он становится смысловой основой, определяющей направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций). Наряду с историческим опытом значимое влияние на смысложизненные ценности молодежи оказывают повседневные знания и опыт, накапливающиеся в результате её взаимодействий с другими, также образующими культурное пространство. Для обоснования саморегуляции смысложизненных ценностей молодежи как целостного процесса в статье анализируется связь представлений молодых людей о смысле жизни с разными типами культуры, с архетипами, с менталитетом, с габитусами. Этому способствовали представленные в статье результаты разработки типологии культурного пространства, выделения на основе анализа существующих подходов к исследованию бессознательного наиболее распространённых архетипов, ментальных и современных черт национального характера, габитуальных установок. Анализ их взаимосвязи позволил проследить влияние каждого из них на формирование смыслов жизнедеятельности молодежи в процессе саморегуляции. В статье обосновывается вывод, полученный в результате анализа связи смыслов жизни с типами культуры и с архетипами, о преемственности большинством молодежи традиционной культуры, что определяет общую направленность формирования смыслового содержания её жизнедеятельности. На основе анализа связи смысложизненных ценностей с ментальными и современными чертами национального характера раскрывается диалектика традиционного и современного в изменении смыслов жизнедеятельности молодежи. Анализ связи смысложизненных ценностей с габитусами позволяет рассмотреть видоизменение (гибритизацию) смыслов в процессе формирования поведенческих предрасположенностей молодежи в саморегуляции её жизнедеятельности. Таким образом, саморегуляция смысложизненных ценностей молодых людей представляется как динамичный процесс наполнения их жизнедеятельности новыми смыслами в изменяющемся культурном пространстве.

Ключевые слова: молодежь, ценности, саморегуляция, культура, жизнедеятельность, менталитет, габитус

Смыслообразование в культурном пространстве

Культурное пространство охватывает совокупность материальных и нематериальных условий жизни, а также смысловые основания социальных взаимодействий индивидов и групп друг с другом и обществом. Материальную основу культурного пространства составляют природа и культурные объекты, образующие социокультурную среду жизнедеятельности молодых людей. Её духовную часть образуют идеалы, представления, ценности как внеприродные условия. Под культурой в данном случае понимается некая программа, задающая вектор отношений ко всем явлениям общественной жизни, определяющая мировоззрение и жизненные позиции.

Составляющими культурного пространства являются исторически обусловленные особенности национальной культуры, сохраняющиеся в виде черт национального характера и в той или иной мере влияющие на формирование современных поколений молодёжи, и субкультура как наиболее значимая часть повседневного бытия современных молодых людей с множественными культурными формами и прозрачными границами.

Большое число взаимодействий, в которых проявляется связь молодого поколения с базовой (доминирующей) культурой и с различными видами субкультур, а также установившиеся формы социальных взаимодействий выступают смысловым основанием конструирования собственной реальности.

Смыслы с заложенными в них идеями и ценностями отражают содержание культуры. Смыслообразование, буквально понимаемое как формирование представлений о сущностях явлений и их функциях, выступает основным отражением воспроизводства и изменения культуры и её подвидов.

Ориентация на высшие ценности, раскрываемая в убеждениях, верованиях, нравственных чувствах и наивысших духовных ориентирах, нравственных основаниях социальной солидарности, определяет смысловое пространство как духовное наполнение человеческой жизни [Минюшев 2004: 191]. Сформированные исторически, эти ценности становятся первоосновой образов реальности, закреплённых не только в осознанных стремлениях, но и в коллективном бессознательном. Это придаёт им определённую устойчивость, закрепляя в механизме саморегуляции. Однако сохранённые в культурном пространстве образцы не только усваиваются, но перерабатываются и наделяются новым содержанием. Субъективный выбор смыслов и целей является частью саморегуляции, направленной на реализацию собственных социальных ожиданий.

В выборе способов саморегуляции проявляются качественно иные характеристики новых поколений молодёжи, изменяющиеся в связи с трансформацией реальности – как объективной действительности, так и субъективных представлений о ней. Возникающие на плечах традиций новые смыслы и инновации преобразуются в новые культурные образцы

(традиционализируются), становясь составной частью культурного наследия [Традиция и инновация... 2008: 19]. Постоянное переформатирование, интенсивность которого зависит от темпа общественных изменений и степени погружения в них разных групп, становится формой существования культурного пространства молодёжи. Чем динамичнее изменения, тем выше вероятность культурного микса, обусловленного увеличенной скоростью появления и интериоризации новых культурных образцов на фоне инерционного функционирования прежних.

Современное культурное пространство молодёжи аккумулирует во многом противоположные смысловые проекции, традиционно присущие разным «мировоззренческим матрицам», образуя симбиотическое слияние «культурных полюсов» Востока и Запада [Традиция и инновация... 2008: 97–101]. Их различие проявляется, прежде всего, в понимании экзистенциальных оснований жизнедеятельности человека, возводимых в ранг высших ценностей. Среди них – разное отношение к человеку как эталону или объекту преобразования (к его физическому и духовному предназначению, ценности земного существования и памяти о нём в грядущих поколениях, истине как продукту воли человека) или как к данности, к собственной познавательной и преобразовательной субъектности, к временной ориентации деятельности и нацеленности на прошлое–настоящее–будущее–вечность, к смыслам существования – потребительскому или духовно ориентированному бытию, собственному удовольствию или служению как высшему смыслу жизни и т. д. В этих смысловых проекциях содержится и противопоставление, и осмысленное сближение, образование множественных миксов и гибридов, столь характерных для российского культурного пространства в целом [Чупров и др. 2014; Тощенко 2011; Вишневецкий, Шапко 2006; Омельченко 2019]. Конструирующая роль формирующихся смысловых симбиозов выражается в их совокупном влиянии на потенциальные побудительные силы, мотивационные структуры, выражаемые в специфических формах повседневной жизнедеятельности молодых людей и способах её саморегуляции.

Смысловые основания саморегуляции

Как субъектная деятельность молодёжи по выбору целей жизнедеятельности и средств их достижения, саморегуляция может иметь активный или пассивный характер. В зависимости от степени рефлексии в ней могут преобладать стереотипные, стереотипно-личностные или активно-личностные формы. Направленность саморегуляции задаётся соотношением того, что личность берёт от общества и что вносит в его развитие, мерой проявления индивидуалистических и коллективистских установок, ориентаций на конкурентные или солидарные отношения и т. д. Образцы саморегуляции при этом определяются доминирующими способами организации жизнедеятельности, а многократно повторяющиеся способы саморегуляции, в свою очередь, становятся источниками

формирования культур определённого типа. Их культивирование, распространение и включение присущих им образцов в жизнь молодых людей, как и их взаимодействия, придают особенности саморегуляции.

Важнейшая роль, согласно А. Шюцу, в этом механизме принадлежит знаниям и опыту, исторически сложившимся и выступающему предметом интересубъективного взаимодействия [Шюц 1988]. Регулятивное воздействие опыта воплощается в его неосознанном, опосредованном архетипическими первообразами коллективного бессознательного влияния на жизнедеятельность. Перешедшие из прошлого опыта образцы взаимодействий дополняются аргументацией, обусловленной новым опытом, полученным в ходе совместного освоения реальности. Основываясь на широко распространённых представлениях, подкреплённых личным опытом, они конвертируются в убеждения, оседают в коллективном бессознательном, определяя своеобразие коллективной жизни [Сикевич и др. 2005].

Поскольку бессознательное восприятие реальности выводит её за пределы осмысления, интернализация реальности переживается как эмоциональное сближение с ней, то идентификации выстраиваются на основе чувств. Выбор способов жизнедеятельности регулируется при этом неосознанными установками. По мере отождествления себя с объектом реальности характеристики этого объекта и неосознанные регуляторы деятельности (ценности, нормы, установки и стереотипы) приобретают осознанные формы [Чупров и др. 2014: 205–215]. Переход от неосознанных форм саморегуляции к осознанным запускается посредством рефлексии – способности адекватно реагировать на изменения реальности, определяя в соответствии с ними цели деятельности. Рефлексивное поведение обеспечивает осознанное саморегулирование вследствие осмысления и осознания ценностей, установок и стереотипов с последующим включением их в диспозиции.

В повседневной жизни осознанные и неосознаваемые установки сплетаются в общий механизм социокультурной саморегуляции. Единство бессознательного и осознанного обеспечивается взаимодействием разных элементов этого механизма – архетипических, ментальных, габитуальных.

Архетипы, по К. Г. Юнгу, «архаические остатки» – «специфические бессознательные реакции на постоянно возобновляющиеся на протяжении жизни рода феномены внешнего и внутреннего миров» [Юнг 2013: 142; Юнг 1991], участвующие в формировании образов реальности.

Обобщая существующие подходы к исследованию бессознательного и выделяя в них наиболее существенные стороны, Н. М. Морозов подчёркивает: «Регулярность и многовековая повторяемость основных условий психического бытия людей приводит не к наследованию индивидуального опыта, а скорее к закреплению на психогенетическом уровне определённых форм его организации, которые проявляются в виде архетипических образов, мотивов» [Морозов 2014: 202–203]. Закрепляясь в структурных компонентах психики, архетипические образы реальности придают

смыслу жизни внутренне обоснованный, аргументированный и устойчивый характер: «Так мы обнаруживаем систему установок и типичных реакций, которые незаметно определяют жизнь индивида... Под влиянием универсальных образцов находятся ... также наше восприятие, мышление, воображение» [Юнг 1991]. Отражая многосложный опыт поколений, они больше влияют на эмоциональное восприятие смыслов, определяя меру, до которой в ценностно-нормативной системе присутствует традиционная культурная составляющая.

В предисловии к изданию работы Юнга «Архетип и символ» А. М. Руткевич пишет: «Если архетипы понимать как бессознательно воспроизводимые схемы, проявляющиеся в мифах, сказках и произведениях искусства, то в таком их понимании нет ничего мистического. Человеческая психика – не «чистая доска», и в задачи психолога вполне может входить изучение априорных предпосылок опыта. В каком соотношении находятся унаследованные генетические образцы поведения, восприятия, воображения и наследуемые посредством культурно-исторической памяти – это вопрос, к которому с различных сторон подходят этнологи, лингвисты, психологи, этнографы, историки» [Руткевич 1991: 21]. С социологической же точки зрения важным представляется выявление связи унаследованных в культуре образов с актуальными смысложизненными ценностями нового поколения молодёжи, обусловленности современных смыслов базовыми компонентами культуры.

Был выделен ряд архетипов, присущих национальному фольклору, в частности, обнаруженных в русских пословицах и поговорках [Чупров и др. 2014]. Отсутствие самих этих поговорок в повседневном молодёжном языке и обиходе, как оказалось, не стало препятствием для молодого поколения к распознаванию заложенных в них смыслов. Исследовательская задача по определению близости содержания архетипов внутренним установкам респондентов уже была реализована в более ранних наших работах, где впервые было проанализировано место каждого из элементов социокультурного механизма (архетипов, менталитета, габитусов и стереотипов) в формировании образов реальности (другого, семьи, образования, труда, власти) [Чупров и др. 2014; Чупров, Зубок 2013; Зубок и др. 2019]. Для анализа использованы архетипы и соответствующие им смысловые референты, наиболее точно отражённые и узнаваемые в российской культуре.

Архетип судьбы: «Чему быть – того не миновать» – признание предопределённости и сокращение зоны ответственности за собственную жизнь, бессубъектное упование на участь и долю: «Судьба как власть, с одной стороны, и человек, подчинённый этой власти, с другой – такова стереотипная ситуация, характеризующая феномен судьбы в русской народной культуре» [Никитина 1994: 143]. Жизнь в такой концепции представляет собой свыше уготованный план, по которому проживает человек. Меж тем, «каждый, всякий, любой одновременно неповторим и индивидуален, поэтому общий для всех обязательный путь проходит по-своему, исполняя общечеловеческую судьбу и одновременно ту,

которая выделена специально и только для него» [Цивьян 1994: 123]. Сочетание предназначения и вариативности открывает пространство для счастливого или рокового случая, порождая и ощущение беспомощности, и надежду, что «пронесёт»: «Русские фольклорные тексты причудливо соединили в себе языческие представления о доле-участи, прирождённой и не имеющей отношения к справедливости, и христианские идеи Божьего суда, воплощающего высшую правду и высшую справедливость» [Никитина 1994: 143]. В повседневной жизни этот концепт становится основой перекладывания ответственности за свою жизнь на других, проявление внешнего локуса контроля.

Архетип добра: «Добро не умрёт, а зло пропадёт» выступает как отражение веры во всепобеждающую силу света в борьбе с тьмой. В основе концепта – базовые этические и нравственные категории добра и зла как обобщённое выражение представлений о нравственном и безнравственном, отвечающем или, наоборот, противопоставляющем себя морали¹. При этом значение архетипа выходит за пределы содержательного толкования самих понятий, которые в разных ментальных структурах будут иметь свои отличия [Орлова, Никулина 2016]. Главное содержится в представлениях об исходе их противостояния, убеждённости в неизбежной победе одних высших сил над другими. Эта вера во многом становится источником надежды и исторического долготерпения народа.

Архетип совести отражает эмоционально-ценностные представления и суждения по поводу мотивов действий личности и обеспечивает способность различать постыдные поступки, испытывать за них неловкость. Это и рациональное осознание нравственного значения поступков, и эмоциональное переживание собственного несоответствия интериоризированным критериям². Самооценивание и самоконтроль, основанные на интернальных нравственных критериях, напрямую связаны с концептом совести. При этом на практике это может реализоваться не столько в виде высокоморального поведения, сколько в последующих мучительных переживаниях за его нарушения. В русской культуре утвердилась контроверза чистой совести и достатка, отражённая поговоркой «Хоть мощна пуста, да совесть чиста».

Архетип вины восходит к осмыслению собственных деяний – действий или бездействий на основе внутреннего нравственного закона совести. В христианстве совесть трактуется как показатель нравственной обязанности³, соответственно, вина возникает в связи с её нарушением и осознанием греха. В русской культуре вина связывается с отходом от добродетели послушания и покорности, что выражается пословицей «Послушание – добродетель, непослушание – грех».

¹ Словарь по этике. 2010. URL: <http://moralphilosophy.ru/pg/dobro.htm>. (Дата посещения: 11.11.2019).

² Свенцицкий А. Л. 2008. Краткий психологический словарь. М.: Проспект. С. 404, а также [Александрова 2012].

³ Новая философская энциклопедия. 2010. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH0194de7040398e2c5f864994> (Дата посещения: 01.11. 2019).

Архетип правоты власти, передаваемый пословицей «Где царь – тут и правда», отражает признание априорной мудрости власти и патернализма на фоне собственной вечной незрелости. Регулятивная роль этого архетипического образца состоит в возможном влиянии на способы восприятия власти и самих себя во взаимодействии с её институтами. В нём содержится отсылка к базовому способу легитимации подчинения, смысловых параметров взаимодействия между подчиняющим и подчинённым.

Архетип славы рассматривается как символ вечности в деяниях человечества; дел, совершённых единицами, но никак не тщеславие индивида, а как вера в тесную взаимосвязь и непрерывность эпох и стремление оставить след в истории, готовность к самопожертвованию во имя последующих поколений. Самопожертвование героя во имя идеала, во имя чести, доблести, славы, веры или любви несомненно есть сознательная жертва временному, изменчивому ради вечного; индивид жертвует своей жизнью (биологической) во имя вечной жизни (имагинативно-реальной), даже без иной побочной цели [Голосовкер 2010]. Его довольно точным отражением и эмпирическим референтом выступает изречение «Бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретёт».

Архетип спасителя как отражение универсального мифа о герое всегда относится к человеку-богатырю или богочеловеку, побеждающему зло в виде драконов, змей, монстров, демонов и освобождающего свой народ от смерти и разрушения [Юнг 1991]. Образ из легенд и сказок, перекочевавший в современную культуру, в виртуальные игры. Отважный и благородный рыцарь, герой-освободитель, сокрушитель угнетающих сил, добрый царь-батюшка, непобедимый отец-полководец (индивидуальный или коллективный) – отражение незащищённости, обид, надежд и чаяний. В одном ряду стоят спаситель, мессия, революционер и герой-солдат: «Погибающий ... за идею революции или свободы, лучшего общественного устройства, когда он в борьбе за родную землю своим телом заслоняет амбразуру в блиндаже, из которого бьёт пулемёт; или когда два героя-монаха, Пересвет и Ослябя, первыми завязывают битву с татарами, зная, что они погибнут, но зато битва будет выиграна. Если здесь и действует сила внушения, то ведь действует она прежде всего на воображение, на тот его высший инстинкт, который сильнее инстинкта самосохранения» [Голосовкер 2010]. Референтом этого архетипа в исследовании стала пословица «Сколько нечисть ни тешится, а придёт добрый молодец и сокрушит нечестивца». В этом архетипе, с одной стороны, в значительной мере заложено упование на высшую всепобеждающую и освобождающую силу, предполагающую терпеливое ожидание и веру в спасение, а с другой – скрытое побуждение к принятию на себя этой роли.

Архетип идеализации прошлого обусловлен углублённостью в прошлое, восприятием прошлого как некоего образца, имеющего самоценное значение. В византийской психокультурной модели настоящее и будущее должны быть подобны прошлому. Уровень совершенства закона или ритуала часто определяется не актуальностью, а лишь давностью

использования. Так исторически сложилось и в российской практике. Когда нововведение требует оправдания и обоснования, начинаются поиски аналогов в истории. Если их не находят, инновации не поддерживаются. Однако прошлое может и не быть однозначным критерием оценки настоящего, но оно сакрально и не должно подлежать тотальному разрушению. С одной стороны, это повышает устойчивость общества, позволяя сохранять объединяющие культурные основания, с другой – препятствует извлечению уроков и преодолению деструктивных образцов. В разрешении этого противоречия содержится мера «онтологической безопасности» как состояния уверенности людей в преемственности и постоянстве окружающего социального и материального мира, в котором они живут и действуют. Это состояние отражает собственное бытие человека в феноменологическом его значении, «но скорее эмоциональное, чем когнитивное, уходящее корнями в бессознательное» [Giddens 1991: 92]. Референтом архетипа выступает согласие с пословицей «Почитая старое, обретаешь новое».

В смысловом значении каждого из архетипов скрыты разные побудительные мотивы, усиливающие или ослабляющие волю, увеличивающие или снижающие зависимость от внешних обстоятельств, внутренний или внешний локус-контроль, характер устремлений к высшим идеалам.

Архетипы отражаются в менталитете, широко понимаемом как социокультурная система, передающая своеобразие коллективной жизни людей, принадлежащих к конкретной культуре; как способ восприятия и оценки людьми окружающего мира; как мышления и чувствования, имеющие надситуативный характер, проявляющийся в их своеобразной поведенческой активности [Таршис 2012]. В обобщённом понимании – это «видение мира», которое проявляется «умонастроением» и «мыслительными установками», «воображением» и «складом ума» [Гуревич 1993: 60]; иерархически упорядоченная система сходных неосознаваемых мыслительных и поведенческих автоматизмов с исторически меняющимися смыслами деятельности, проявляющаяся благодаря сходству защитных механизмов, приобретённых людьми в условиях специфики общей среды жизнедеятельности: территориальной, профессиональной или конфессиональной, выступающей видовым признаком ментальности [Морозов 2014]. Ментальные структуры объединяют в себе рефлекслируемые и нерелфлекслируемые образцы, проявляющиеся не только в мировоззрении, но и в конкретных способах реагирования человека или группы в ситуации ценностного выбора. Воспроизводство и распространение таких способов в социокультурной среде конвертируется в свойство личности, группы, общества [Споры о главном... 1993; Таршис 2012; Ментальные программы... 2016]. Поэтому менталитет часто рассматривается как синоним национального характера.

К ментальным чертам национального характера были отнесены следующие компоненты: *любовь к своему отечеству; милосердие, проявляющееся в готовности помогать другим; честь, достоинство; любовь к ближнему; подозрительность в отношении к иностранцам.* В совре-

менных условиях перечисленные качества нередко наполняются новым смыслом. Условно назовём их современными ориентациями. Это – *отношение к стране как к месту проживания; жалостливость, выражающаяся в сочувствии нуждающимся в помощи; равнодушное отношение к правам человека; рационализм; открытость, восприимчивость ко всему иностранному* [Чупров и др. 2014].

Смысложизненные ценности, сформировавшиеся в архетипических и ментальных структурах, преобразуются в поведенческие установки, закрепляясь в социальных практиках посредством *габитусов*. Результат габитуализации – превращение форм жизнедеятельности, обусловленных определённым смыслом, в привычку от многократного повторения. «При всей своей стремительности и активности, – отмечает Я. Голосовкер, – иной человек как бы полуспит, настолько выработавшиеся в нём механизмы активности действуют помимо его воли. Он решает, предписывает, утверждает, отвергает, жертвует собой и другими – автоматически. В нём даже находчивость возникает по рефлексу, и это узнаётся по тому, что она носит характер типический: перед нами типажи находчивости» [Голосовкер 2010]. Апробированные смыслы становятся значимой частью «габитуальной установки», определяя содержательную направленность поведенческих предрасположенностей (диспозиций) [Олпорт 2002]. При этом установки отражают переживание индивидом ценности, значения, смысла [Шихирев 1973]. Возникающие смысловые диспозиции рассматриваются «в контексте способности личности сохранять следы смыслового опыта в виде зафиксированного латентного инактивированного устойчивого отношения субъекта к объектам и явлениям действительности, инвариантно значимым в различных контекстах индивидуальной жизнедеятельности и проявляющихся в специфических эффектах смыслового регулирования деятельности» [Абакумова, Савченко 2008: 28; Леонтьев 2003; Саморегуляция и прогнозирование... 1979].

Благодаря диспозициям осуществляется трансформация смыслов от бессознательных форм, содержащихся в архетипических и ментальных структурах, к осознанным, проявляющимся в жизнедеятельности. Габитуальные образцы влияют на практическую жизнь людей и на структуру смысложизненных установок, что обнаруживается в формировании жизненной позиции (*активной / пассивной*); социальной солидарности (*убеждённый коллективист / убеждённый индивидуалист*); эмпатии, способности сочувствовать, сопереживать в отношениях с другими (*чувственности / расчётливости*); жизненной стратегии (*постоянства / изменения*); предпочитаемых моделей поведения (*уверенность и предсказуемость / экстрим и риск*).

Каждый из рассмотренных элементов особым образом участвует в формировании культурного пространства молодёжи, казалось бы, безнадежно оторванной от тех пластов культуры, на которых формировались предыдущие поколения. Рассмотрим, как проявляются эти элементы в саморегуляции смысложизненных ценностей.

Архетипы в саморегуляции смысложизненных ценностей

Проделанный ранее анализ показал иерархию смысложизненных ценностей молодёжи и их связь с типологией её культурного пространства [Зубок, Чупров 2018; Чупров 2018]. Во-первых, на основе методологии П. А. Сорокина [Сорокин 2000] были выявлены доминирующие смысловые векторы жизнедеятельности современной российской молодёжи и их связь с типами культуры, характерными для русского общества в целом; во-вторых – доминантные смысловые образцы, обретающие форму повседневных культурных практик в молодёжных сообществах. В данном случае речь идёт не о классических субкультурах, переставших быть твёрдыми формированиями [Омельченко 2019], а о смысловых векторах, задающих направленность повседневной жизнедеятельности молодёжи. Тот факт, что определённые смысловые основания обнаруживаются в целом ряде групп, делает их общими для образа жизни и ценностных ориентаций разных групп молодёжи.

Как было установлено, доминирующими в среде российской молодёжи являются преимущественно три смысловых культурных типа – инновационный, гедонистический и тип физического развития [Зубок, Чупров 2018]. А в пространстве повседневного взаимодействия доминируют конкурирующие друг с другом и одновременно типичные для молодёжи стремление к объединению со сверстниками и стремление быть непохожим на других, самовыражение своих личностных качеств. В них отражаются диалектическое единство и борьба индивидуального и социального, интериоризации и экстериоризации культурного опыта, в одинаковой мере необходимые для полноценного становления социальной субъектности молодёжи.

В каждом обозначенном типе культуры проявляются особая направленность сознания и специфические формы жизнедеятельности молодых людей. Так, инновационная культура в обычной жизни может не быть связана с целенаправленным и методичным выстраиванием инновационных стратегий жизнедеятельности, зато может реализовываться в стремлении к постоянной новизне, чувствительности ко всему нестандартному, начиная с внешней атрибутики и заканчивая социальными практиками. Открытость новому опыту и переживаниям в индивидуальном плане может восприниматься как признак динамизма и символическое выражение бегства от монотонности и архаичности. Перманентное изменение является гарантией реализации современных культурных требований открытости к быстро меняющейся социальной реальности, а поскольку вся современная культура устремлена вперёд, то и залогом интеграции в неё становится способность изменяться вместе с ней. А в общественном плане инновационный тип культуры – это ни что иное, как реализация функции обновления в общественном воспроизводстве. Инновации при этом могут выражаться в классической, мертоновской формуле – приверженности общественно значимым образцам и поиске новых способов их реализации. Причём сами ценности как

предмет стремления индивидов часто находятся в секторе традиционных, а способы их реализации – в области современных представлений. Наиболее ярким примером являются традиционные ценности семьи, которые разделяются подавляющим большинством россиян, но воплощаются ими большей частью в современных формах организации ролевых взаимодействий (симметричность обязанностей, эгалитаризм), ином характере межпоколенческих взаимодействий (демократизация и либерализация отношений) и т. д. Инновационная культура тесно граничит с культурой риска – постоянной готовностью к вероятностным изменениям, открытостью к различным действиям и событиям, позитивным и негативным [Giddens 1994: 28].

Культура физического развития, являющаяся второй по значимости доминантой в культурном пространстве молодёжи, отражает как проявления модного стремления к здоровому образу жизни, так и поддержание определённых стандартов красоты и телесности. Причём эта ориентация лишь до определённой степени является феноменом молодёжным, а в действительности не чужда и среднему поколению, ещё более активно и настойчиво участвующему в гонке за молодостью.

Гедонистическая культура как третья значимая составляющая культурного пространства традиционно связывается с установкой на удовольствия, но в современных условиях она наполняется новыми проявлениями; например, удовольствием через впечатления или стремлением к спокойной безбедной жизни как залогом доступа к удовольствиям и наслаждениям более высокого порядка, связанным не только с бесконечным потреблением, но и с самореализацией. Здесь уже самореализация выступает посредником гедонистических устремлений. Подобно этому и получение удовольствия от потребления культуры – театра, музыки, кино, собственного творчества и т. д. (гедонистическая функция культуры).

Три других типа культуры, охватывающие меньшее число молодёжи, но при этом заметно влияющие на формирование и отбор смысложизненных ценностей – это адаптационная, духовная и культура моральной аномии.

Адаптационный тип культуры предполагает принятие средовых условий и господствующих в них социокультурных форм. Субъектность в таком случае проявляется преимущественно в освоении готовых культурных образцов и конформных способов принятия реальности. В адаптационных стратегиях на индивидуальном и групповом уровнях проявляется сбережение минимума на фоне высокого риска потерь. Этот тип культуры формируется в противоположность культуре риска как имманентной открытости любым изменениям.

Духовная культура, ориентирующая молодого человека на высшие смыслы истины, добра, красоты, достоинства, выступает основанием духовного преобразования себя и критерием отбора соответствующих смысложизненных ценностей. Она является антиподом моральной аномии по сути, форме и степени распространения в среде молодёжи.

Культура моральной аномии как смысловая доминанта культурного пространства молодёжи представляет собой не столько конкретную ситуацию безнормности, сколько общую атмосферу нормативного релятивизма как следствия деструкции нормативности и демонтажа устойчивых норм, отказа от жёстких обязательств в пользу гибких конвенциональностей «текущего» типа, меняющихся по мере возникновения новых потребностей.

Проследим, насколько связаны в молодёжном сознании перечисленные типы культуры с архетипами в её коллективном бессознательном. (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Связь типов культуры с архетипами, %
The link between types of culture and archetypes, %

Типы культуры	Архетипы								Средние значения
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого	
Духовная	67,2	61,8	62,9	28,5	51,6	66,1	59,7	76,9	59,2
Инновационная	72,9	60,3	60,0	28,6	42,5	57,5	52,9	74,8	56,2
Физического развития	71,1	64,0	59,7	29,5	47,7	61,0	60,7	77,3	58,9
Гедонистическая	72,0	59,5	53,2	28,9	44,1	57,9	50,7	73,4	54,6
Адаптационная	75,4	60,5	67,7	35,3	53,9	56,3	47,9	72,5	58,7
Моральной аномии	67,4	57,6	58,1	26,2	41,3	54,7	46,5	68,6	52,5
Средние значения	71,0	60,6	60,3	29,5	46,8	58,9	53,1	73,9	

Данные таблицы 1 подтверждают наличие связи смысложизненных ценностей с архетипами как одним из базовых элементов механизма социокультурной саморегуляции. Об этом говорят достаточно высокие средние значения связи типов культуры со всеми анализируемыми архетипами. Они распределяются в порядке убывания следующим образом: с духовной культурой (59,2%), с культурой физического развития (58,9%), с адаптационной культурой (58,7%), с инновационной (56,2%), гедонистической (54,6%), с культурой моральной аномии (52,5%). Причём наибольший уровень связи всех анализируемых типов культуры отмечается с архетипами идеализации прошлого (73,9%), судьбы (71%), добра (69,6%), совести (60,3%), славы (58,9%). В меньшей степени прослеживается связь с архетипами спасителя (53,1%), вины (46,8%), правоты власти (29,5%). Это указывает на преобладание большинством молодёжи традиционной культуры. А также существенно расширяет смысловое содержание разделяемых молодёжью типов культуры, что особенно важно для понимания не только природы смысложизненных ценностей, но и их регулятивной роли. Проанализируем для этого их связь с архетипами (см. таблицу 2).

Таблица 2 (Table 2)

Связь смысложизненных ценностей молодёжи с архетипами, %
The link between young people's life purpose values and archetypes, %

Смыслы жизни	Архетипы							
	Судьбы	Добра	Совести	Правоты власти	Вины	Славы	Спасителя	Идеализации прошлого
Стремление к истине	65,2	65,1	77,5	33,1	55,3	68,9	62,1	84,3
Любовь	74,0	73,1	76,7	32,7	54,8	69,0	71,0	86,2
Борьба за справедливость	68,1	68,3	75,2	30,0	51,1	65,1	66,9	78,8
Спокойная безбедная жизнь	74,7	65,9	75,6	35,6	52,9	71,1	66,3	82,8
Политическая борьба (за власть)	71,9	62,1	73,1	46,7	62,1	56,7	70,0	89,7
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	71,6	66,9	73,6	31,3	45,4	65,4	65,4	83,8
Продолжение себя в будущих поколениях	79,4	76,1	77,3	35,7	59,4	72,2	69,6	87,3
Средние значения	72,1	68,2	75,6	35,0	54,4	66,9	67,3	84,7

В таблице 2 полностью повторяются зависимости, выявленные в предыдущем анализе, с более высокими значениями связи смыслов жизни и архетипов. Это означает, что в механизме саморегуляции смысловых ориентиров молодёжи влияние архетипов проявляется не только благодаря связи с типами культуры, но и в результате унаследованных образов коллективного бессознательного.

Менталитет в саморегуляции смысложизненных ценностей

Рассмотрим, как влияет *менталитет* на саморегуляцию смысложизненных ценностей молодёжи, используя понятие «национальный характер» (Э. Фромм), которое, хотя и не во всём, но отражает существенные черты менталитета. Оценка связи проводилась на основе распределения ответов на вопрос: «В какой степени перечисленные качества отражают национальный характер россиян?» по семибалльной шкале оценок выше средних значений (5+6+7) (см. таблицу 3).

В таблице 3 отмечается высокий уровень связи анализируемых смыслов жизни молодёжи с ментальными чертами национального характера россиян: с любовью к Отечеству (среднее значение 78,1%); с честью, достоинством (73,4%), любовью к ближним (71,9%); милосердием (61,3%), подозрительностью в отношении к лицам другой культуры, в т. ч. к иностранцам (42,4%). Это означает, что смысложизненные ценности, зарождающиеся в архетипах коллективного бессознательного россиян, воспроизводятся молодым поколением, закрепляясь в ментальных чертах его национального характера.

Таблица 3 (Table 3)

Связь смысложизненных ценностей с ментальными и современными чертами социального облика молодёжи, %

The link between life purpose values and mental and modern traits of young people's social facade, %

Смыслы жизни	Ментальные черты национального характера					Современные черты				
	Любовь к своему Отечеству	Милосердие	Честь, достоинство	Любовь к ближнему	Подозрительность в отношении к лицам другой культуры	Отношение к стране как месту проживания	Жалостливость	Неравнодушное отношение к правам человека	Рационализм	Открытость ко всему иностранному
Стремление к истине	82,0	66,7	72,1	74,3	40,5	52,7	56,3	64,4	45,1	48,7
Любовь	79,4	63,6	74,1	71,7	40,7	52,5	59,5	58,1	44,2	50,0
Борьба за справедливость	74,0	66,3	71,0	77,0	43,8	56,8	55,0	61,6	49,2	46,7
Спокойная безбедная жизнь	75,5	59,9	72,0	64,7	42,4	50,1	57,5	54,8	40,4	50,2
Политическая борьба (за власть)	78,1	50,4	78,1	78,1	34,4	49,9	46,8	68,1	50,1	37,5
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	77,5	58,8	71,8	65,1	46,7	45,6	53,4	56,7	42,3	49,3
Продолжение себя в будущих поколениях	80,6	63,7	75,1	72,3	48,6	50,3	59,3	59,7	43,5	51,8
Средние значения	78,1	61,3	73,4	71,9	42,4	52,2	55,4	60,4	44,9	47,7

Как следует из таблицы, современное понимание смыслов связано со следующими чертами молодёжи: равнодушным отношением к правам человека (60,4%); с жалостливостью, проявляющейся в сочувствии нуждающимся в помощи (55,4%); с отношением к стране как месту проживания (52,2%); толерантным отношением к другим культурам, открытостью ко всему иностранному (47,7%); рационализмом (44,9%). Хотя по уровню связи со смысложизненными ценностями современные черты молодёжи заметно уступают ментальным чертам национального характера россиян, они оказывают существенное влияние на расширение смыслового пространства её жизнедеятельности.

Учитывая, что в культурном пространстве происходит взаимное влияние и переплетение различных черт национального характера, не следует противопоставлять ментальные и современные черты, прису-

щие различным группам молодёжи. Более продуктивным представляется целостный подход, при котором в качестве фактора жизнедеятельности молодёжи выступает определённый тип культурного пространства.

Весьма примечательной, в свете обострившихся в странах Евросоюза проблем мультикультурализма, выглядит позиция российской молодёжи. Она проявилась в относительно невысоком значении связи со смысложизненными ценностями как ментальной черты национального характера – подозрительного отношения к лицам другой культуры, в т. ч. к иностранцам (42,4%), так и современной черты – толерантного отношения к другим культурам, открытости ко всему иностранному (47,7%). Иными словами, в современных условиях провозглашения мультикультурализма подозрительность к иностранцам как ментальная черта национального характера российской молодёжи снижает своё влияние на смыслы её жизнедеятельности по сравнению с другими ментальными чертами, такими как любовь к своему Отечеству и ближним, как честь и достоинство, милосердие. Вместе с тем, сталкиваясь в повседневной жизни с проявлениями разного рода межэтнических конфликтов, молодые люди, разделяющие современные черты толерантного отношения к другим культурам, не проявляют однозначной готовности принять принципы культурного плюрализма в качестве смысла своей жизни. Это свидетельствует о том, что влияние менталитета представляет собой не простую детерминацию социальных процессов, независимую от жизни и воли конкретных людей, а сопровождается осмыслением ими социальных реалий (рефлексией) на основе жизненного опыта. Тем самым подтверждаются выводы, обоснованные нами ранее, что и архетипы, и менталитет не являются неизменной монадой, а трансформируются в изменяющейся реальности при переходе от бессознательных форм к осознанным, т. е. отрефлектированным в массовом, групповом и индивидуальном сознании [Чупров и др. 2014: 63].

Габитусы в саморегуляции смысложизненных ценностей

Оценка степени связи смыслов жизни с габитусами производилась на основе распределения ответов по семибалльной шкале между рассмотренными альтернативами, где оценки выше средних значений (5+6+7 баллов) принимались за значимую степень связи со следующими диспозициями: с активной жизненной позицией; признанием себя убеждённым коллективистом; чувственностью (способностью к сопереживанию) в отношениях с другими; со стремлением к постоянству; с предпочтением уверенности и предсказуемости в моделях поведения. А оценки ниже средних значений (1+2+3 балла) принимались за значимую степень связи с пассивной жизненной позицией – с признанием себя убеждённым индивидуалистом, с расчётливостью в отношениях с другими, со стремлением к изменению, с предпочтением экстрима и риска (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Связь смыслов жизни молодёжи с габитусами, %*
The link between young people's life purposes and habitus, %

Смыслы жизни	Габитусы									
	Активная/ пассивная жизненная позиция		Убежденный коллективист/ убеждённый индивидуалист		Чувственность/ расчётливость		Постоянство/ изменение		Предсказуемость/ экстрим и риск	
	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3	5+6+7	1+2+3
Любовь	83,7	5,6	50,4	22,3	65,1	12,2	67,1	18,1	66,1	15,6
Спокойная безбедная жизнь	76,4	7,6	43,7	25,9	50,8	26,3	67,8	29,4	66,7	13,8
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	79,9	5,4	43,7	32,2	52,0	21,1	60,8	24,2	56,1	25,2
Продолжение себя в будущих поколениях	81,4	4,8	50,9	21,7	59,7	18,1	70,4	15,8	63,7	15,4
Стремление к истине	80,6	3,6	49,6	28,0	59,4	16,3	63,5	23,5	58,1	18,5
Борьба за справедливость	79,8	6,0	56,8	23,1	65,2	17,7	63,2	21,4	66,5	20,2
Политическая борьба (за власть)	90,7	6,2	68,8	12,4	58,5	28,0	50,0	40,6	59,4	25,0
Средние значения	81,8	5,6	52,0	23,8	58,7	19,9	63,2	24,7	62,4	19,1

*Меньше 100%, т. к. не учитывались средние значения (4 балла).

Анализ данных, представленных в таблице 4, позволяет сделать однозначный вывод о наличии устойчивой связи смысложизненных ценностей молодёжи с рассматриваемыми габитусами. Причём по всем анализируемым смыслам жизни доминируют оценки связи с диспозициями выше средних значений. Это означает, что определение молодым человеком смысла собственной жизни сопровождается формированием поведенческой предрасположенности (диспозиции), в которой преобладающую роль играют активность его жизненной позиции (среднее значение 81,8%); стремление к постоянству в определении жизненной стратегии (63,2%); уверенность и предсказуемость в выборе моделей поведения (62,4%); чувственность в отношениях с другими (эмпатия) (58,7%); коллективизм (52%). То есть, в совокупной структуре габитуса, «порождающего и организующего практики и представления, объективно приспособленные для достижения определённых результатов» (П. Бурдьё), в нашем случае – для реализации смыслов жизни, чётко прослеживается доминанта традиционных ценностей.

Наибольшую роль в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи играет связь смыслов жизни со следующими диспозициями: *политической борьбы (за власть)* – с активной жизненной позицией (90,7%)

и с коллективизмом (68,8%); *любви как смысложизненной ценности* – с активной жизненной позицией (83,7%), со стремлением к постоянству в определении жизненной стратегии (67,1%), с уверенностью и предсказуемостью в выборе моделей поведения (66,1%) и с чувственностью (способностью к сопереживанию) в отношениях с другими (65,1%); *продолжения себя в будущих поколениях* – с активной жизненной позицией (81,4%) и со стремлением к постоянству (70,4%); *спокойной, безбедной жизни* – с активной жизненной позицией (76,4%), со стремлением к постоянству (67,8%) и с предсказуемостью в выборе моделей поведения (66,7%); *стремления к истине* – с активной жизненной позицией (80,6%); *проявления своей индивидуальности* – с активной жизненной позицией (79,9%); *борьбы за справедливость* – с активной жизненной позицией (79,8%). Как видно, в анализируемой связи смысложизненных ценностей с габитусами определяющая роль в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи принадлежит активной жизненной позиции.

Альтернативные диспозиции заметно уступают по уровню связи со смысложизненными ценностями. Каждый четвёртый респондент связывает смысл своей жизни с постоянным изменением (24,7%), и с индивидуализмом (23,8%), а каждый пятый – с расчётливостью в отношениях с другими (19,8%), а также с экстримом и риском в моделях поведения (19,1%). Однако игнорировать роль этих диспозиций в саморегуляции жизнедеятельности молодёжи не следует. Базирующиеся на современных ценностях, они оказывают значимое влияние на формирование новых форм жизнедеятельности молодёжи, определяя тем самым современную направленность её развития.

Заключение

Саморегуляция смысложизненных ценностей как неотъемлемой части культурного пространства молодёжи представляет собой бесконечный процесс переформатирования. При этом, что в них преобладают закреплённые в процессе социализации базовые традиционные смыслы, под влиянием изменяющейся реальности активно формируются новые, современные. Ориентируясь на традиционные и/или современные смыслы, молодёжь приспособливает меняющуюся реальность под свои потребности. В современных условиях роль этих смыслов прагматизируется, подвергаясь общей тенденции рационализации. А гибридизация смыслов, с одной стороны, делает культурное пространство эклектичным, а с другой – связывает различные смыслы, дефрагментируя его.

В механизме отбора смысложизненных ценностей, их саморегуляции существенную роль играют базовые основания культуры, не только рационально осмысливаемые, но и воспроизводимые бессознательно. Роль бессознательного в социокультурном механизме саморегуляции смысложизненных ценностей имеет большое значение для понимания объективного характера смысложизненных ориентиров как оснований для формирования социальных ожиданий молодёжи, адресуемых ею

разным объектам реальности, с которыми она взаимодействует в процессе интеграции в общество. Ставшие результатом влияния глубинных социокультурных оснований, жизненные смыслы разных групп молодежи являются данностью, с которой нельзя не считаться в реализации государственной молодежной политики.

Библиографический список

Абакумова И. В., Савченко Н. А. 2008. Профессиональные диспозиции как компонент личностного становления // Российский психологический журнал. Том 5. № 1. С. 23–32.

Александрова Г. Г. 2012. К проблеме психологического содержания понятий «совесть» и «совестливость» // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 154. Кн. 6. С. 200–210. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-probleme-psihologicheskogo-soderzhaniya-ponyatiy-sovest-i-sovestlivost>. (Дата посещения: 01.11.2019).

Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. 2006. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. № 6. С. 26–37.

Голосовкер Я. Э. 2010. Избранное. Логика мифа. М.-СПб.: Центр гуманитарных инициатив // URL: <https://litresp.ru/chitat/ru/Г/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa> (Дата посещения: 01.11.2019).

Гуревич А. Я. 1993. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик. 328 с.

Зубок Ю. А., Чупров В. И., Любутов А. С. 2019. Самоорганизация в механизме саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Молодежь и молодежная политика: новые смыслы и практики / Под ред. С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовской. Сер. «Демография. Социология. Экономика». М: Экон-информ. С. 15–35.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. 2018. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодежи // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 3 // URL: <http://research-result.ru/journal/annotation/1492/> (Дата посещения: 01.11.2019).

Леонтьев Д. А. 2003. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е испр. изд. М.: Смысл. 487 с.

Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе: монография / [А. В. Лубский, Ш. М. Атоян, А. А. Беспалова и др.]; отв. ред. А. В. Лубский; Южный федеральный университет, Институт социологии и регионоведения. Р.-н-Д.: Фонд науки и образования, 2016. 391 с.

Минюшев Ф. И. 2004. Социология культуры. М: Академический проект. 272 с.

Морозов Н. М. 2014. Концептуализация исторического знания о российской цивилизации на рубеже XX–XXI вв. в отечественной историографии. Кемерово: Практика. 401 с.

Никитина С. Е. 1994. Концепт судьбы в русском народном сознании (на материале устнопоэтических текстов) // Понятие судьбы в контексте разных культур / Науч. совет по истории мировой культуры. М.: Наука. 1 полугодие. 320 с.

Олпорт Г. 2002. Становление личности: Избранные труды / [Пер. с англ. Л. В. Трубицыной и Д. А. Леонтьева]; под общ. ред. Д. А. Леонтьева. М.: Смысл. 464 с.

Омельченко Е. Л. 2019. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 3–27. URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/611> (Дата посещения: 02.11.2019).

Орлова Т. Г., Никулина Е. Ф. 2016. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-dobra-i-zla-v-angliyskih-i-russkih-poslovitsah-kak-otrazhenie-mentaliteta-angliyskogo-i-russkogo-narodov> (Дата посещения: 09.09.2019).

Руткевич М. Н. 1991. Жизнь и воззрения К. Г. Юнга // Юнг К. Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс. СП ИВО-Сид. С. 5–22.

Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979. 264 с.

Сикевич З. В., Крокинская О. К., Поссель Ю. А. 2005. Социальное бессознательное: социологический и социально-психологический аспекты. СПб.: Питер. 267 с.

Сорокин П. А. 2000. Социальная и культурная динамика: исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: РХГИ. 1056 с.

Споры о главном. Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов». М.: Наука, 1993. 270 с.

Таршис Е. Я. 2012. Ментальность человека: подходы к концепциям и постановка задач исследования. М.: Либроком. 88 с.

Тощенко Ж. Т. 2011. Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализ). М.: Новый Хронограф. 552 с.

Традиция и инновация в современной России. Социологический анализ взаимодействия и динамики / Под ред. А. Б. Гофмана. М.: Российская политическая энциклопедия. 2008. 541 с.

Цивьян Т. В. 1994. Человек и его судьба – приговор в модели мира // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука. С. 122–129.

Чупров В. И. 2018. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. Том 7. № 4. С. 13–25.

Чупров В. И., Зубок Ю. А. 2013. Социокультурный механизм формирования отношения к образованию // Социологические исследования. № 1. С. 78–90.

Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. 2014. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства. М.: Норма. 352 с.

Шихирев П. И. 1973. Исследования социальной установки в США // Вопросы философии. № 4. С. 47–53.

Шюц А. 1988. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. № 2. С. 129–137.

Юнг К. Г. 1991. Архетип и символ. М.: Ренессанс. СП ИВО-СиД // URL: https://www.phantastike.com/archetype/arhetip_i_simvol/zip/ (Дата посещения: 17.09.2019).

Юнг К. Г. 2013. Собрание сочинений. Психология бессознательного. М.: Канон+, Реабилитация. 320 с.

Giddens A. 1991. *Modernity and self-Identity. Self and society in the late modern age.* Oxford: Polity. 37 p.

Giddens A. 1994. *The Consequences of Modernity.* Cambridge: Polity Press. 186 p.

Статья поступила: 03.11.2019

DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Self-Regulation of Life Purpose Values in Youth Cultural Space

Yulia A. Zubok

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: uzubok@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3108-2614

Vladimir I. Chuprov

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: chuprov443@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7881-9388

For citation: Zubok, Yu. A., Chuprov, V. I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii.* 2019. Vol. 10. No. 4. P. 164–186. DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

Abstract. Young people's transitioning into adulthood is accompanied by their inclusion into society's socio-cultural context, together with the development of their own cultural models and interaction practices. Youth cultural space develops as a result of layered connections between young people and culture in general – elements of which are simultaneously inherited and altered by them – as well as subculture models, which emerge in the realm of intra-group interactions, i.e. within youth communities. During the dialectical process of inheritance, denial and construction, young people obtain their own social-group characteristics. In turn their cultural space is distinguished by features which differentiate their activities from other social groups. In modern society youth cultural space is very much a self-regulating realm, within which occurs the development and construction of the most important values which then become the foundation for purpose in life. Base culture plays an essential role in shaping purpose, with its models – contained within the collective unconscious – being directly linked to historic memory. Historic memory, reflected in archetypal and mental structures, influences the content of life purpose values. Engraving itself into

habitus during the habitualization process, it becomes the basis for purpose which defines the direction for behavioral predispositions. Together with historic memory, youth life purpose values are significantly influenced by everyday knowledge and experience, which accumulate as a result of young people interacting with others participating in the development of cultural space. In order to confirm self-regulation of youth life purpose values as a holistic process, this article analyzes the connection between young people's concepts on the meaning of life and various types of culture, archetypes, mentality, habitus. This was facilitated by the fact that the article presents results of developing a cultural space typology, of highlighting – based on analyzing existing approaches towards studying the unconscious – the most common archetypes, mental and modern features of national character, habitual attitudes. Analyzing their relationship allowed for tracing the influence of each on the development of young people's purposes in life during the self-regulation process. The article substantiates the conclusion – drawn as a result of analyzing how life purposes are connected with types of culture and archetypes – that young people for the most part accept traditional culture, which defines the general direction for the development of meaning in their lives. Based on analyzing the connection between life purpose values and mental, modern features of national character, the study reveals the dialectics of “traditional” and “contemporary” in the altering of meanings in young people's lives. Analyzing the connection between life purpose values and habitus allows us to consider the modification (hybridization) of meanings in the process of developing behavioral inclinations among young people in terms of self-regulating their living activity. Therefore self-regulation of young people's life purpose values appears to be a dynamic process which fills their lives with new meanings in an evolving cultural space.

Keywords: sociology, Russia, youth, culture, values, the meaning of life, understanding, behavior, development.

References

Abakumova I.V., Savchenko N.A. Профессиональные диспозиции как компонент личностного становления. *Rossijskiy psihologicheskiy zhurnal = Russian Psychologies Journal*, 2008; 5; 1: 23–32 (In Russ.).

Aleksandrova G. G. К проблеме психологического содержания понятий «совесть» и «совестливость». *Uchionye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. = Humanitarian sciences*, 2012; 154; 6: 200–210 (In Russ.).

Chuprov V.I. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма. *Gumanitarniy Yuga Rossii = South Russia Humanities*, 2018; 7; 4: 13–25 (In Russ.).

Chuprov V.I., Zubok J.A. Социокультурный механизм формирования отношения к образованию. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2013; 1: 78–90 (In Russ.).

Chuprov V.I., Zubok J.A., Romanovich N.A. Attitude to social reality in Russian society: sociocultural mechanism of formation and reproduction. Moscow: Norma, 2014: 352 (In Russ.).

Civ'yan T. V. Human being and its fate – reprimand in the model of peace. In: *Ponyatie sud'by v context raznykh cul'tur*. Moscow: Nauka, 1994: 122–129 (In Russ.).

Giddens A. *Modernity and self-Identity. Self and society in the late modern age*. Oxford: Polity, 1991: 37.

Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: PolityPress, 1994: 186.

Golosovker Y.E. *Favourites. Logic of the myth*. Moscow, Saint-Petersburg: CHI publ., 2010 (In Russ.).

Gurevich A.Y. *Historical Synthesis and Annals School*. Moscow: Indrik, 1993: 328 (In Russ.).

Leontiev D.A. *Psychology of Meaning: Nature, Structure and Dynamics of Sense Reality*. Moscow: Smysl, 2003: 487 (In Russ.).

Mental programs and models of social behavior in Russian society. Lubskiy A.V. et al. Rostov-on-Don: Foundation of education and science, 2016: 391 (In Russ.).

Minyushev F.I. *Sociology of Culture*. Moscow: Akademicheskyy proekt, 2004: 272 (In Russ.).

Morozov N.M. Conceptualization of historical knowledge about Russian civilization at the turn of the XX-XXI centuries in Russian historiography. Kemerovo: Praktika, 2014: 401 (In Russ.).

Nikitina S. E. The concept of fate in the Russian national consciousness (on the material of oral texts). Moscow: Nauka, 1994: 320 (In Russ.).

Olport G. *Personality Formation: Selected Works*. Moscow: Smysl, 2002 (In Russ.).

Omelchenko E.L. Is Russia 's Case of Transformation of Youth Cultural Practices Unique? Monitoring obshchestvennogo mneniya: *Economicheskies i social'nye peremeny = Public opinion monitoring: economic and social change*, 2019; 1: 3–27 (In Russ.).

Orlova T.G., Nikulina E.F. Выражение добра и зла в английских и русских пословицах как отражение менталитета английского и русского народов. 2016. Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. // Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-dobra-i-zla-v-angliyskih-i-russkih-poslovitsah-kak-otrazhenie-mentaliteta-angliyskogo-i-russkogo-narodov> (accessed: 09.09.2019). (In Russ.).

Rutkevich M.N. Life and views of K. G. Jung. In: Young K.G. Arhetip i simvol. Moscow: Renessans, 1991: 304 (In Russ.).

Shihirev P.I. Research of social attitudes in the USA. Voprosy filosofii = Philosophical Studies, 1973; 4: 47–53 (In Russ.).

Shutz A. Structure of daily thinking. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 1988; 2: 129–137 (In Russ.).

Sikevich Z.V., Krokinskaya O.K., Possel' Y.A. Social unconscious: sociological and socio-psychological aspects. Saint-Petersburg: Piter, 2005: 267 (In Russ.).

Sorokin P.A. Social and cultural dynamics: research of changes in big systems of art, truth, ethics, law and social relations. Saint-Petersburg: RHGI, 2000: 1056 (In Russ.).

Tarshis E. Y. Human Mentality: Approaches to Concepts and Setting Research Objectives. Moscow: Librokom, 2012: 88 (In Russ.).

Toshchenko Zh.T. Kentavr-problem. Moscow: Novy Khronograf, 2011: 552 (In Russ.).

Vishnevsky Y.R., Shapko V.T. Paradoxical young person. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2006; 6: 26–37 (In Russ.).

Young K.G. Archetype and symbol. Moscow: Renessans, 1991: 304 (In Russ.).

Young K.G. Psychology of unconscious. Moscow: Kanon+, Reabilitaciya, 2013: 320 (In Russ.).

Zubok J.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S. Self-organization in the mechanism of youth self-regulation. In: Molodiozh' i molodiozhnaya politika: novye smysly i praktiki. Ed. by S.V. Riazantsev, T.K. Rostovskaja. Moscow: Econ-inform, 2019: 15–35 (In Russ.).

Zubok J.A., Chuprov V.I., Lyubutov A.S. Life values in the cultural space of young people. Nauchny rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie, 2018; 4; 3. (In Russ.).

Self-regulation and prediction of individual social behaviour. Ed. by V.A. Yadov. Leningrad: Nauka, 1979: 264 (In Russ.).

The article was submitted on: November 03.2019